

Слова Шоги Эффенди об Абдул-Баха

Рожденный в год Откровения Баба; крещенный огнем первых костров ненависти, встретившей появление Веры; восьмилетним мальчиком познавший всю жестокость насилия, обрушившегося на сподвижников его Отца; разделивший с Ним все унижения, тяготы и опасности многолетнего изгнания; подвергшийся в Акке аресту и унижительному заключению в тёмном каземате; прошедший через муки бесконечно тянувшегося следствия и ставший мишенью всевозможных нападков и оскорблений во время правления деспотичного султана Абдул-Хамида и позже, при жестоком военном диктате безжалостного и подозрительного Джамал-паши, — Он, Средоточие, Точка опоры бесценнейшего Завета Бахауллы, совершенное Воплощение Его Учения, испил до дна чашу скорби, приняв ее из рук властителей, духовенства, чиновников, простолюдинов, — чашу, которая не миновала ни Баба, ни Бахауллу, ни великое множество Их последователей. ...

Сколько раз и с какою страстной силой взывал Он и к власть предержащим, и к простым людям, прося их непредвзято и беспристрастно оценить Учение Его Отца. С какой самоотверженностью и усердием развернул Он работу по созданию административной системы Веры, средоточием которой Он был, разъясняя ее основополагающие принципы, указуя на отличительные черты, провозглашая искупительный характер ее законов. С какой настойчивостью предупреждал Он людей о надвигающемся хаосе, о грядущих катастрофах, о мировых бедствиях, контуры которых отчетливо проступили лишь в последние годы Его жизни, предвещая чудовищный размах трагических событий и таящуюся в них угрозу для человечества.

Пройдя через те же горестные испытания и жизненные разочарования, что постигли Баба и Бахауллу; собрав урожай всей Своей жизни, несоизмеримый с непрерывными, неустанными и возвышенными трудами Его; предчувствуя приближение мировых катастроф, готовых обрушиться на неверующий род человеческий; согбенный временем, томимый предчувствием надвигающейся бури, причиной которой были грехи безбожного поколения, отринувшего Веру Его Отца; с сердцем, скорбящим о грядущей судьбе заблудших детей Господних, — Он наконец изнемог под бременем страданий, причиненных Ему людьми, которых ожидало скорое и страшное возмездие за содеянное.

«О Господи! — воскликнул Он, когда совсем одолели Его превратности судьбы. — Приблизь же день, когда вознесусь я к Тебе, и явлюсь пред Тобою, и буду близ Тебя, когда отрину я от себя мрак жестоких страданий, причиненных мне, и войду в сияющий ореол близости Твоей, о Господи, о Венец Славы, и быть может, отдохну под сенью милосердия Твоего». *«О Славнейший из Славных! — написал Он в Скрижали, начатой в последнюю неделю Своей жизни, — я отрешился от мира и людей, и потому неверные жестоко гонят меня, и сердце мое разбито. В клетке мира сего трепещу я, как птица испуганная, и каждый день жду, когда же смогу я взлететь, устремив полет в Царствие Твое. О Славнейший из Славных! Дозволь мне испить из жертвенной чаши и даруй мне свободу. Избавь же меня от всех этих горестей и скорбей, от бед и напастей».*